

УДК 323/324 (172.13)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ СОСТРАДАНИЯ В СВЕТЕ ПОИСКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Н.Н. Куксачёв^а

Аннотация

В работе рассматривается роль сострадания в характере русского народа и формировании национальной идеи на примере работ русских философов XX в.

Ключевые слова: сострадание, сочувствие, национальная идея, русская философия.

ACTUALIZATION THE PROBLEM OF COMPASSION IN THE LIGHT OF SEARCHING THE NATIONAL IDEA

М.М. Kuksachou^а

Abstract

The role of compassion in character of the Russian people and in formation of national idea is considered on the example of works of the Russian philosophers of the XX century.

Keywords: compassion, sympathy, national idea, Russian philosophy.

Обостренное чувство справедливости и непосредственно связанную с ним склонность к состраданию униженным и оскорбленным принято считать типично русской чертой характера. Можно сказать, что сострадание является «нервом» и одной из основных идеологических подоснов всего русского творчества: начиная от сострадания к истории князей Бориса и Глеба, которые были несправедливо убиты своим же братом, до ставших мировой классикой произведений Ф.М. Достоевского, и далее – до наших дней. Исследование эмпатических процессов, то есть процессов сострадания вновь приобретает особую актуальность в наше время, когда на самом высоком уровне в Беларуси и в Российской Федерации констатируется необходимость поиска национальных идей, консолидирующих общество.

Мы не претендуем на глубокий и полный анализ проблемы сострадания в свете построения национальных идей, но попробуем обозначить некоторые краеугольные сентенции русской философской мысли относительно обозначенной проблемы.

Философы XIX в. в России не склонны были рассматривать русскую идею как вытекающую из глубин русского национального характера (исключение здесь, пожалуй, Ф.М. Достоевский (1821–1881 гг.)), но уже философы первой половины XX в. видели основания для нахождения особенностей русской идеи именно в особенностях русского национального характера. Так, если П.Я. Чаадаев (1794–1856 гг.) выступал с критикой русской истории, православия, самодержавия, то уже В.С. Соловьев (1853–1900 гг.) посвятил русской идее особую статью с одноименным названием. В работах В.С. Соловьева эта идея в первую очередь связывалась с предопределенной Богом для России миссией. Для К.Н. Леонтьева или В.С. Соловьева натуральнее было видеть опору в сильном государственном образовании, в авторитете православной церкви и византийской культуры, чем искать ее в неясных потемках русской души.

^а Куксачёв Николай Николаевич,
Институт философии Национальной
академии наук Беларуси, аспирант,
Kuksachou Mikalai Mikalaevich,
Institute of Philosophy of National Academy
of sciences of Belarus, PhD student,
admin@religia.by

Первая половина XX в. отмечается обращением русской философской мысли к раскрытию особенностей душевной организации русского человека.

Начнем обзор философских мнений с обращения к работе «первой женщины в России, посвятившей себя профессиональной философской деятельности» [1, с. 77] Марии Владимировны Безобразовой (1857–1914 гг.) «О безнравственности». Данная работа отличается довольно эмоциональным тоном. Можно отметить, что М.В. Безобразова имела звание доктора за работу о древней русской философии. Работы М.В. Безобразовой высоко оценивались также современным ей философским сообществом: ее деятельность всегда находила поддержку у В.В. Розанова и В.С. Соловьёва, даже несмотря на их определенные взгляды на роль женщины и ее предназначение [1, с. 79–80]. Подробнее об этой интересной личности и ее философских идеях можно прочесть в работе В.В. Кравченко в петербургском журнале «Вехи» [1].

В работе «О безнравственности» 1911 года М.В. Безобразова обращается к проблеме «подкладки» или изнанки жизни, то есть безнравственности современного ей российского общества, исследуя эту проблему с философской и исторической точек зрения. Задавая звучащий риторически вопрос о том, «отчего столько безнравственности» [2, с. 1] в современной русской жизни автор дает четкий философско-психологический срез современного ей общества. Рассуждая о том, что такое добро и зло и как их различать, М.В. Безобразова отмечает интересную особенность – порой, сложно сказать будет ли следствием добрых дел и отношения добрый результат. Часто случается наоборот: «доброта – слабость, мягкость бывает злом, потому что развращает» [2, с. 4]. Точно также порой развращает излишняя сострадательность и сочувственность без реальных дел помощи.

Автор задается вопросом о том, почему «считается, что русским особенно близки вопросы нравственности; о них, ведь, ведутся эти бесконечные русские споры за самоваром» [2, с. 16], но, по мнению автора, положение скорее противоположное. Русский человек менее всего разбирается в вопросах нравственности. За доброту русского человека чаще всего принимают его бесхарактерность. Вроде бы русский человек и сострадает бедным и обездоленным, но в то же время не отказывается от графского титула (случай графа Льва Толстого); вроде бы и не едет на бал из-за смерти родственника, но жалеет об упущенном увеселительном мероприятии (биограф Л.Н. Толстого П.И. Бирюков).

Еще одним маркером показательной сострадательности русского общества может служить отношение к смертной казни. Данный вопрос в России всегда остается актуальным, но русская мысль так до сих пор и не ушла в своих рассуждениях по этому поводу дальше приведения аргумента «нельзя убивать – это зло» [2, с. 17]. В России принято жалеть преступников: «преступников не только прощают, но даже возносят, всех же «инакомыслящих» ... прямо втаптывают в грязь» [2, с. 20]. Для действительных же жертв преступлений сострадания у общества обычно не хватает, ибо жалеть жертв преступников «строго воспрещается кодексом русской интеллигенции» [2, с. 21].

В конечном итоге такое жаление чувствует и сам преступник, оттого еще легче соглашаясь со своей совестью на преступление и чувствуя даже своего рода оправдание и поддержку общества. Преступников станет меньше, когда им «перестанут кадить ... и чуть не носить на руках каждого за то, что он дерзнул и посягнул на чужую жизнь» [2, с. 25].

Иллюстрациями к таким умозаключениям могут послужить темы интервью и новостных лент, проходящие после вынесения смертных приговоров последних лет в Беларуси. Сострадают чаще всего не тому и не так, и в итоге получается, что «погибнуть на плахах, сидеть в тюрьме – то быть героем наших дней, а это так легко достижимое геройство увлекает и заражает, и атмосфера портится. ... Апофеоз безнравственности – отрицать, что есть люди, достойные казни, и жалеть тех, кто не таит в себе сам искры жалости, возводить преступников в герои» [2, с. 29]. Именно против этого протестует М.В. Безобразова, и именно об этом нелишним было бы задуматься современному белорусскому обществу.

Надо сказать, что русской идеей живо были озабочены и философы изгнания И.А. Ильин и Н.А. Бердяев. Рассуждения о судьбе России и ее народа отличаются у указанных философов определенной оптимистичной устремленностью и, можно сказать, даже некоторой романтичностью, которая скорее всего испарилась бы, находишься они на родной земле в годы советской власти. Отправной точкой рассуждений этих философов можно считать вопрос В.С. Соловьева: «что Бог думает о России в вечности».

Сочувствие или сострадательность отмечаются обоими философами в качестве особенности русского национального характера. Такая склонность к сочувствию связывается у И.А. Ильина с христианской традицией, тесно вплетенной в русскую культуру: «именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства» [3, с. 131]. Русскость у Ильина не мыслится без проникнутости любовью. Любовь – основная духовная сила русского характера. Оптимистичен И.А. Ильин и в плане уровня правосознания русского человека, которое, по мнению автора, базируется все на той же любви и братском сочувствии: «история русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его этим духом, духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости» [3, с. 140].

Точнее и конкретнее всего по проблеме сострадания в русском национальном сознании высказывается Н.А. Бердяев, проливая свет на весь спектр коннотаций этого феномена в загадочной русской душе. Действительно, «жалость к падшим, к униженным и оскорбленным, сострадательность – очень русские черты» и «человечность все же остается одной из характерных русских черт». Но именно в русской душе идет постоянное жестокое бореие между лучшими ее порывами к состраданию и способностью к самой бесчеловечной жестокости. Так «в русской мысли раскрывалась диалектика самоутверждения человека ... русский народ поляризованный». У русского человека нет культа «холодной» справедливости, поэтому Н.А. Бердяев снова обращает наше внимание к вопросу о смертной казни: «лучшие русские люди в верхнем культурном слое и в народе не выносят смертной казни и жестоких наказаний, жалеют преступника» [4, с. 122]. Мысли напрямую перекликающиеся с мыслями М.В. Безобразовой. Но где же сострадание к жертвам преступников? Это, видимо, несколько ниже полета чувств «лучших русских людей», слишком обыденно, чтобы занять этим свои размышления.

По мнению Н.А. Бердяева сострадание повинно и в русском атеизме: Бог-Творец отрицается во имя преклонения перед страдающей и стонущей тварью, прикрываясь мотивами справедливости и великой любви к ней. Как это отмечено у Достоевского – сострадание и человечность может превратиться в бесчеловечность и жестокость, когда человек меняет иерархию ценностей, самообожествляя себя.

Как мы видим, в русской философской мысли наблюдается добрая традиция рассматривать проблему сострадательности русской души со всех ее сторон, не избегая и ее «подкладки». И в качестве одного из примеров продолжения такого рода философской настроенности приведем размышления о русской идее нашего современника кандидата философских наук Людмилы Яковлевой, изложенные в статье «Русская идея» и национальный характер. Скептические размышления». К концу XX в. когда была написана обозначенная статья, автором отмечается, что Россия вновь ищет свою национальную идею.

Исходя из своего повседневного опыта и опираясь на опыт своих соотечественников, Л.И. Яковлева говорит, что жалостливость является одной из особо значимых черт русского национального характера, так как в народе «широко бытует критерий определения любви: «если жалеет, значит, любит» [5, с. 2]. Но обращаясь к историческому опыту XX в. Л.И. Яковлева задается вопросом: «как быть с нашей реальной немифологизированной историей, которая одновременно и история психологии народа, в частности, с гражданской войной, когда одна часть граждан России уничтожила другую ее часть? Совместим ли этот факт реальной истории с сострадательностью русской души, если последнее признается им-

манентной чертой русского характера?». «Считается, что немецкий и русский народы самые сентиментальные (сострадание, например, является одной из краеугольных категорий философии А. Шопенгауэра), но именно Германия и Россия разработали и активно использовали концлагеря как способ массового уничтожения людей» [5, с. 5]. Вопрос можно сказать риторический. Он лишь призван в очередной раз засвидетельствовать наличие «подкладки» у загадочной русской души. Впрочем, автор чересчур сгущает краски, объявляя, что не видит «ни одной, почти ни одной, положительной черты характера, присущей исключительно русскому человеку». Но в духе М.В. Безобразовой, которая упрекала графа Толстого, Л.И. Яковлева связывает «жалостливость» как массовое проявление русского национального характера ... во многом с ханжеством» [5, с. 6]. А искренность жаления у русского человека автором сравнивается с «жалостью» крокодила. Находясь во власти своих эгоистических устремлений, человек напускает все больше словесного тумана, демонстрируя свое показное лояльное отношение к окружающим его людям, храня в душе на них лютую злобу.

Таким образом, говоря о характере русского народа нельзя быть слишком романтичным, приписывая ему только лишь черты сострадательности и любви. Такая ошибка может происходить из-за смешения двух понятий: характер народа и национальная идея. Если первое – это то, что подсказывает нам повседневный опыт проживания совместно с окружающими людьми, «наличная данность со всеми ее плюсами и минусами». Второе же – это то, каким народ хотел бы себя видеть или хотел бы, чтобы именно так воспринимали его другие народы, но чего пока еще нет в действительности. При этом нельзя отрицать, что эта национальная идея когда-нибудь сможет стать действительным национальным характером [5, с. 4].

Подводя итог рассмотрению основного направления мысли о месте сострадания в «русской идее» и в национальном сознании можно отметить следующее:

- русскому национальному сознанию привычно приписывается сострадательность в качестве типичной особенности;
- исторический опыт и опыт философского размышления о месте сострадания в русском национальном сознании не может дать однозначного подкрепления идеи о сострадании как типичной русской национальной черте.

Литература / References

1. Кравченко, В.В. Мария Безобразова / В.В. Кравченко // Вече. Альманах русской философии и культуры. – СПб, 1995. – № 4. – С. 77–150.
Kravchenko, V.V. Marija Bezobrazova / V.V. Kravchenko // Veche. Almanah russoj filosofii i kultury. – SPb, 1995. – № 4. – P. 77–150.
2. Безобразова, М.В. О безнравственности / М.В. Безобразова. – СПб, 1911.
Bezobrazova, M.V. O beznравstvennosti / M.V. Bezobrazova. – SPb., 1911.
3. Ильин, И.А. О русской идее / И.А. Ильин // Национальная Россия. Наши задачи. – М., 2007. – С. 129–150.
Ilin, I.A. O russoj idéе / I.A. Ilin // Nacionalnaja Rossija. Nashi zadachi. – M., 2007. – P. 129–150.
4. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – СПб, 2008.
Berdjaev, N.A. Russkaja ideja / N.A. Berdjaev. – SPb, 2008.
5. Яковлева, Л.И. «Русская идея» и национальный характер. Скептические размышления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://new.philos.msu.ru/uploads/media/09.2013.Russkaja_ideja_JAKOVLEVA_L.I.pdf. – Дата доступа : 01.10.2013.
Jakovleva, L.I. «Russkaja ideja» i nacionalnyj harakter. Skepticheskie razmyshlenija. [Electronic resource]. – Mode of access : http://new.philos.msu.ru/uploads/media/09.2013.Russkaja_ideja_JAKOVLEVA_L.I.pdf. – Date of access : 01.10.2013.